

**ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ
«КРИТИЧЕСКОГО» КАНТА**

И. С. Нарский
(АОН при ЦК КПСС)

По этому вопросу имеется обширная исследовательская литература, и здесь трудно сделать какое-то новое открытие. Замысел данной статьи состоял все же не в повторении того, что уже хорошо известно, а в выдвигании на первый план некоторых существенных, на наш взгляд, моментов, что само по себе вносит, полагаем, некоторые изменения в ранее сложившуюся и почти ставшую традицией картину. А ведь встречается и такое неверное рассуждение, что из самой *критической* сущности Кантова «критицизма» вытекает, будто бы, что вопрос о его теоретических источниках не так уж важен и даже почти лишен всякой значимости, тем более, что ведь в принципе великий Кант «так или иначе» почти «учел» всю прошлую историю философии. При этом рассуждающие так иногда смешивают такие различные понятия, как «теоретический источник», «гносеологические корни», «идейные влияния», «воздействие традиций» (в постановке проблем, в характере их решения и т. д.) и «наличие предвосхищений» (оставшихся Канту неизвестными). Смешение же их не позволяет получить точные историко-философские результаты. Кроме того, нельзя упускать из виду, что эти результаты будут искажены и в том случае, если не учитывается наличие негативных источников, т. е. критическое «отталкивание» мыслителя от сознательно отрицаемых им концепций, принципов и установок.

Среди проблем теоретических источников кантовского «критицизма» выделяются проблемы характера влияний со стороны Лейбница, Баумгартена, Ньютона и Юма. Ситуация здесь такова, что имело место сложное *взаимодействие* этих влияний. Кант в письме Марку Герцу от 2 февраля 1772 г. писал, что «ум должен быть всегда и неизменно открыт для любого случайного замечания, которое может представиться...». А влияние этих четырех философов было далеко не случайным, далеко не поверхностным. И выявление его характера тем более важно, что, как отмечал в 1882 г. Ф. Энгельс, предметом особой

гордости для коммунистов является то, что среди *предшественников* (курсив наш. — И. Н.) научной диалектики и социализма был и Иммануил Кант¹. Если подходить к творчеству Канта как к одному из теоретических источников марксизма (разумеется, не самых основных), то выяснение того, какие теоретические источники так или иначе использовал сам Кант, приобретает особую значимость. Взаимодействие их между собой, конечно, усложняет исследования, но игнорировать усложнение значило бы опять повернуть эти исследования на путь огрублений и искажений историко-философского процесса в преддверии великого революционного переворота в философии.

В связи с изложенным важно проследить истоки *диалектики* в учении зрелого Канта, выясняя, что именно способствовало становлению диалектических идей в его философской системе. При этом следует иметь в виду, что у Канта, с одной стороны, были метафизические (в смысле метода) *постановки* проблем, но он невольно подходил к их диалектическим по своему общему характеру решениям, а с другой — он нередко выдвигал метафизические решения им же самим поставленных диалектических проблем. В. И. Ленин отмечал, что Г. В. Плеханов «критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения...»² А критиковать Канта именно с *диалектико-материалистических* позиций означает, в частности, что следует выделить и положительно оценить в его творчестве те моменты, которые *вопреки* его *метафизическому* по своей сути агностицизму содержали в себе диалектические догадки, а предпосылки к ним содержались если не у Юма, то у Лейбница, а отчасти и у Баумгартена.

Формирование Канта как автора системы «критицизма» было долгим процессом. Оно не сводится к тому перелому в творчестве Канта, который обычно датируют 1770 годом, т. е. связывают с его диссертацией «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» («De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis»). Процесс этот 1770 годом, как отмечал сам Кант в письме М. Герцу от 21 февраля 1772 г., «еще не доведен до завершения». Исходя из того, что законченным он может считаться только тогда, когда в основное здание системы положен последний кирпич, можно датировать его *завершение* 1790 годом, т. е. выходом в свет «Критики способности суждения». (Здесь возникает некоторая, разумеется, чисто внешняя, аналогия с процессом формирования системы Гегеля: строго говоря, этот процесс получил свою завершенность только тогда, когда целостный курс лекций Гегеля по истории философии приобрел относительную законченность, т. е. в Гейдельбергских чтениях 1816 г., а философия права вылилась в свой окончательный вариант, опубликованный Э. Гансом в 1833 г., уже после смерти Гегеля.)

Соответственно расширяется и проблематика теоретических источников «критического» Канта, в орбиту которой должны войти вопросы об источниках его этики, телеологии и учения о прекрасном и возвышенном, а также об эстетическом идеале. Сам Кант признавал (2, 205)* сильное воздействие на него Ж.-Ж. Руссо в этике и вообще во взгляде на человеческие ценности. Душевный перелом у Канта под влиянием Руссо относится, видимо, к 1762 г. Кант назвал Руссо даже «вторым Ньютоном». В эстетике не осталось без влияния на Канта немецкоязычное издание (1763) «Оснований критики» Генри Хума³, указывавшего на общезначимость чувства вкуса и «незаинтересованность» эстетических чувствований (ср.: 5, 216 и 282 и др.). А по мере отхода Канта от «докритического» эмпиризма он начинает не соглашаться с Э. Бёрком. Разумеется, здесь нельзя забывать и линию отечественных воздействий, идущую к Канту от Риделя, Зульцера и Тетенса в вопросах различия трех главных способностей человека, а также своеобразия эстетического и необходимости акцента в прекрасном на субъективность⁴.

Что касается *начального* пункта процесса перехода «докритического» Канта на «критические» позиции, то его истоки могут быть подмечены, по крайней мере, в середине «докритического» пути, после ранних сочинений на естественно-научные темы. Уже первая его собственно философская работа «Новое освещение («Nova dilucidatio...») первых принципов метафизического познания» (1755) проводит разграничение между основаниями существования и истинности. Тем самым расширялись устои вольфианского рационализма, и исследователи уже давно с основанием усматривают здесь некоторое влияние на Канта убежденного противника вольфианства А. Крузия, с чем, видимо, была связана и атака Канта на принцип предустановленной гармонии. Но коль скоро это так, то Канта как «докритического» философа, собственно говоря, не существовало, если иметь в виду наличие совокупности самостоятельных, пусть и не вполне оригинальных, воззрений: был «докритический» Кант — преподаватель вольфианской философии, попытавшийся при этом применить те принципы, которым он следовал в университетском преподавании и в своих ранних естественно-научных работах для построения вольфианского варианта лейбницевской картины мира.

Как известно, развитие антивольфианских посылок привело Канта к различению между реальным и логически возможным существованием, а через анализ различий между разными видами отрицания в «Опыте введения в философию понятия от-

---

* Здесь и далее в статьях сборника ссылки на сочинения И. Канта по изданию: Кант И. Сочинения: В 6-ти т. М., 1963—1966 — даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой означает том, после запятой — страницу).

рицательных величин» (1763)— и к утверждению глубокого различия между логической несовместимостью и реальной противоречивостью⁵. В том же антивольфианском направлении критики в адрес тотального рационализма шло решительное неприятие Кантом в «Грезах духовидца...» (1766) спиритуалистской мистики и отбрасывание им прочь в «Единственном возможном основании для доказательства бытия бога» (1763) пресловутых «конечных причин» как лжеобъяснений биологических явлений. И в обеих этих работах налицо скептические мотивы: критика спиритуализма идет у Канта рука об руку с признанием глубокой пропасти между мирами явлений и сущности, а неверие в «конечные причины» — с недоверием к тезису о всеобщности действия естественных причин.

Все это дает основание считать, что главным источником «критического» Канта был сам Кант второй половины (т. е. после 1755 г.) «докритического» периода. Поэтому так важно видеть то в «докритическом» периоде его творчества, что вело к «критическому» Канту. Этим не отрицается ни наличие несомненного преобразования *всего строя* теоретического мышления Канта около 1770 г., ни факт противоположности материалистической направленности ранних естественно-научных сочинений Канта постепенно вызревающим у него агностическим установкам. Как бы то ни было, абсолютной противоположности между творчеством Канта до диссертации 1770 г. и после нее не было. Это обстоятельство исследователями установлено уже давно⁶.

Но естественно-научный материализм раннего Канта представляет собой все же проблему. Она связана, в частности, с вопросом о том, в какой мере физическое учение И. Ньютона было одним из источников философского мировоззрения Канта в период, когда его «критицизм» еще не вполне сложился, а также и в дальнейшем. Известно, что первая критика в адрес школы Х. Вольфа исходила в Германии из круга ньютонианцев. Но прислушиваясь к этой критике, Кант в «докритических» работах еще долго пытался сочетать во взглядах на природу Лейбница и Ньютона: он попробовал совместить лейбницианское и ньютонианское понятия силы и соединить неделимость монад с бесконечной делимостью корпускул. Но в конце концов ньютонианская картина мира возобладала в мировоззрении Канта бесповоротно, претерпев, однако, в его «критицизме» то принципиальное преобразование, что ее существование и действие были отнесены теперь только к миру феноменов. Проблема состоит здесь в более полном выяснении роли ньютонианства в становлении «критицизма». С одной стороны, физика Ньютона помогла Канту в преодолении присущего рационализму XVII в. отождествления реальных связей и связей в мышлении, а деизм Ньютона подкреплял проблематический деизм Канта (ср.: 3, 573). Но, с другой стороны, убеждение Ньютона

в объективности и абсолютном существовании пространства и времени «критическим» Кантом было отклонено.

Здесь, по-видимому, на Канта повлияла та критика взглядов Ньютона на пространство и время, которую развил Лейбниц в своей переписке 1715—1716 гг. с С. Кларком. Как раз в 1768—1770 гг. Кант внимательно изучил эту переписку. А факт *столкновения* различных аргументаций Лейбница и Ньютона по этому вопросу привел к тому, что у Канта стала намечаться идея плодотворности самого антиномического сопоставления разных позиций для построения теории познания⁷. Конечно, среди четырех кантовских антиномий трансцендентальной диалектики мы не встретим антиномии «мировое пространство и время идеальны» (тезис) и «мировое пространство и время реальны» (антитезис), но тезис первой математической антиномии Канта связан с деистическими представлениями Ньютона (они нашли свое выражение и в переписке ньютоновеца С. Кларка с Лейбницем), тогда как ее антитезис выведен из тех представлений о пространстве и времени, которые Лейбниц «примерял» к своей монадологии⁸. Итак, перед нами случай своеобразного взаимодействия теоретических источников.

Другой случай такого взаимодействия — это использование Кантом некоторых мотивов лейбницевской критики в «Новых опытах о человеческом разумении» в адрес Локка для критики самого же лейбницианства, правда, прежде всего в его ухудшенном, вольфианском, варианте, но не только. Здесь Кант применил элементы юмовской аргументации.

Немецкое издание «Новых опытов о человеческом разумении» вышло в свет в 1765 г. в Лейпциге. Чтение «Новых опытов...» дало мышлению Канта сильный побудительный толчок. Сама принципиальная *перестройка* Лейбницем тех соотношений между субстанциальной сущностью мира и феноменальными ее обнаружениями, которые имели место в дуализме Декарта, в учении Спинозы об атрибутах субстанции и в явном материализме Локка и которые Лейбниц как бы «перевернул», постулировав духовность сущности и материальность явлений, произвела на Канта большое впечатление⁹. Эта постуляция вполне могла быть совмещена, как казалось Канту, с возмущенным Юмом агностицизмом. Надлежало, как теперь стал думать Кант, еще более углубить существующую будто бы «трещину» между сущностным миром «в себе» и миром чувственно воспринимаемых явлений.

Сущности у Канта перестали быть «умопостигаемыми», какими они были у Лейбница: отрицание этой «умопостигаемости» было закреплено решительным кантовским отказом от рациональной интуиции. Лейбницевскому тезису «*phaenomena sunt bene fundata*», а значит, суть средство познания порождающих их сущностей, Кант противопоставил положение о том, что «обоснованность» феноменов отнюдь не означает того, что

сущности могут быть через них познаны, явления не суть обнаружения.

Критикуя Канта как агностика и дуалиста, мы должны отдать ему должное: он еще более остро, чем Локк и, уж конечно, чем Лейбниц, поставил проблему: что собой все-таки представляют явления в отношении сущности? Если они не «проявления», значит ли это, что они суть именно обманчивая (и обманывающая) видимость? Гегелевская диалектика сущности, явления и видимости, или кажимости (Schein), была следующим и притом значительным шагом в исследовании данной проблемы. Однако *идеалистическое* применение здесь категории отчуждения Гегелем (чувственно-материальные явления суть якобы отчуждение мыслительной сущности) стало разрушать саму действительную диалектику всех этих категориальных соотношений.

Сопоставим теперь два высказывания Канта о том, как повлиял на него Д. Юм. В «Пролегоменах» Кант заявил, что Юм «нарушил» его «догматическую дремоту» (4 (1), 74), имея в виду, что именно Юм в наибольшей мере навел его, Канта, на мысль, что связь между причиной и следствием из опыта, строго говоря, не выводима, и им, опытом, не доказуема. В письме к Х. Гарве от 21 сентября 1798 г. Кант указал, что его антиномии выросли из размышлений над контрверсами свободы и необходимости и другими им подобными — «вот что, прежде всего, пробудило меня от догматического сна»¹⁰. Сходство выражений здесь явно не случайное, и тут также, в чем можно быть уверенным, имеется в виду воздействие со стороны Юма.

Действительно, «Диалоги о естественной религии» Юма, опубликованные в Эдинбурге в 1779 г., т. е. спустя два года после смерти шотландского философа и за два года до публикации «Критики чистого разума» (немецкий перевод «Диалогов...» вышел в 1781 г.), содержат в себе прообразы третьей (о существовании «свободной причинности») и четвертой (о существовании абсолютно необходимого существа) антиномий космологической идеи¹¹. Связь этих двух антиномий с «Диалогами...» отразилась в лекциях о религии с философской точки зрения, которые Кант читал в 90-х гг. XVIII в.¹² Но со взглядами Юма на причинность Кант познакомился, по крайней мере, за два десятилетия до этого.

Но то, что в «Диалогах...» Юма было только намечено, получило у Канта значительное развитие. Содержащаяся в его знаменитых антиномиях диалектика стала затем *посредствующим* звеном между диалектикой пар принципов метода Лейбница и будущей диалектикой категориальных пар метода Гегеля. На самом деле, у Лейбница, например, принцип всеобщих различий и принцип тождества неразличимых вещей противоречат друг другу, но это противоречие разрешается через принцип непрерывности, или постепенных переходов. Послед-

ний принцип сталкивается с принципом монадности, т. е. всеобщей дискретности, а это новое противоречие разрешается посредством понятия «метафизической точки». У Гегеля соответствующие категориальные группы «тождество» и «различие» учения о сущности находятся друг с другом в аналогичном диалектическом противоречии, которое разрешается через категориальную группу «основание». Что касается «непрерывности» и «дискретности», то взаимоотношение этих категорий разрешается Гегелем в категориальной группе «количество» учения о бытии через категории «единое» и «многое (множественное)». Категориальные соотношения у Лейбница строились неявным образом, а у Гегеля они разработаны вполне сознательно (позиции Фихте и Шеллинга здесь рассматривать не будем).

Антиномии Канта опосредствуют это восхождение от Лейбница к Гегелю собственно диалектическим образом, придавая общему соотношению позиций трех философов структуру отрицания отрицания и играя в этой структуре роль первого отрицания. На самом деле, у Лейбница и Гегеля противоречия имеют место и в объективном мире, и в познании, и там и здесь они разрешаются совершенно тождественным образом (последнее, т. е. утверждение о совершенной тождественности разрешения в сферах бытия и познания, неверно, и это есть следствие метафизической односторонности рационализма, который, не будучи способен подняться до идеи диалектического отражения бытия в мышлении, остается на позиции их *тождества*). У Канта противоречия разного рода имеют место в мире феноменов (что именно происходит в мире вещей в себе, нам, по Канту, неизвестно), а те из противоречий, которые строго антиномичны, разрешаются либо через упразднение самой проблемы, либо через «разведение» ее сторон в два разных мира (это «разведение» есть следствие агностицизма, доведенного Кантом до разрушения *единства* мира). При таком «разрешении» *сами* антиномии оказываются в неистинном поле видимости, а результаты их разрешения — в будто бы истинном поле кантовского дуализма, что, конечно, ошибочно. Но вместе с тем мы не раз отмечали заслугу Канта в отказе его от рационалистически-идеалистического единства мира, и подчеркнем это еще раз.

Следовательно, Лейбница нельзя считать предшественником Канта в собственном *антиномическом* толковании противоречий. Откуда же взял Кант если не понятие, то хотя бы сам термин «антиномия», вложив в него свое, оригинальное, содержание? Не из апорий Зенона или из методологических рассуждений платоновского Сократа и не из «Топики» Аристотеля, хотя все эти страницы истории диалектики были хорошо известны Канту и не прошли мимо его пристального внимания. Э. Кассирер в «Проблеме познания в философии и науке Но-

вого времени»¹³ и Л. Робинсон в «Происхождении кантовского учения об антиномиях» указывают на П. Бейля и А. Кольера, как на непосредственных предшественников Канта в этом вопросе. Рассуждая в духе субъективного идеализма, А. Кольер применил в сочинении «Всеобщий ключ» («*Clavis universalis*») (1713, нем. перевод 1756) методологический прием антиномических столкновений различных утверждений, а Кант это сочинение Кольера читал.

Однако естественно предположить, что понятие антиномий Кант заимствовал и из книги А. Баумгартена «Всеобщая философия» («*Philosophia generalis*») (1770) или из словаря Микрелиуса «Лексикон философских терминов, используемых философами» («*Lexicon philosophicum Terminorum philosophis usitatorum*») (1765). Также у Баумгартена или у его ученика Мейера Кант заимствовал термин «*a priori*», но придал ему несколько иной смысл: если Баумгартен и Мейер, вслед за Лейбницем¹⁴, понимали под «априорным» внеопытное знание, вытекающее из самого разума, то Кант, как известно, говорит об априорных «чистых», т. е. внеопытных, формах, так сказать, облекающих собой знание, но самим этим знанием не являющихся. В. Ф. Асмус считает, что мысль о противопоставлении априорного эмпирическому пришла к Канту от «психологии способностей» Иоганна Николая Тетенса (1736—1807) (это мнение не раз высказывалось за рубежом и прежде)¹⁵. Но здесь важно и то, что широкое значение «априорного» как просто всякого «внеэмпирического» шло к Канту от Юма, из «Трактата о человеческой природе» которого у Тетенса было немало цитат, причем не так уж важно, что из собственно гносеологических сочинений Юма читал сам Кант,—«Трактат...» или только «Исследование о человеческом разумении (познании)». Кроме того, противопоставление «аналитического (*erläuterndes*)» и «синтетического (*erweiterndes*)» знания было у Иоганна Генриха Ламберта, «Органон» которого¹⁶ упоминается Кантом в его «Логике», хотя это различие имелось и в «Трактате...» Юма¹⁷.

Стоит заметить, что еще в 1857 г. дублинский профессор Т. Е. Вебб в книге «Интеллектуализм Локка» объявил именно последнего родоначальником Кантова деления суждений на аналитические и синтетические. Эту мысль повторил Д. С. Милль в пятом издании (1862) своей «Системы логики», где появилось соответствующее примечание. Но это все же преувеличения: самое большее, что в этом отношении мы находим у Локка в его «Опыте о человеческом разумении»,— это деление предложений на мало- и многосодержательные, из которых первые самоочевидны¹⁸. Однако Локк не проводит полного отождествления самоочевидных предложений с собственно аналитическими, так как не утверждает, что только аналитические предложения малосодержательны, а все самооче-

видные предложения сводятся только к тем, которые он описал здесь.

Возвратимся к вопросу о Баумгартене. Его Кант назвал, наряду с Ламбертом и Гарве, одним из «наших крупнейших аналитиков»¹⁹ вольфианского направления, а его «Метафизику» (1739), как известно, использовал многие годы для своих университетских лекций²⁰.

Следует заметить, что нередко Кант в период перехода от «докритического» своего состояния к «критическому» оказывался в ряде отношений ближе не к Баумгартену и не к Ф. Вольфу, но непосредственно к Лейбницу, а если сравнивать воздействие на Канта со стороны Вольфа и Баумгартена, то к последнему больше, чем к первому, и это именно потому, что мышление Баумгартена в смысле его философско-методологических и эстетических воззрений нередко приближалось к ходу мыслей непосредственно самого Лейбница. В письме Якоби от 11 сентября 1787 г. Кант пишет, что проблему соотношения категорий друг с другом он воспринял от Баумгартена.

Было бы неверно считать Баумгартена, как это нередко случается, каким-то совершенно несамостоятельным мыслителем. Обратим внимание, например, на гносеологическую оценку ощущений. Х. Вольф усмотрел в смутных чувственных перцепциях только «темноту», а Баумгартен скорректировал этот взгляд как неверный, обратившись к исходному творчеству Лейбница и рассматривая такие перцепции как «содержательную основу (fundus)» человеческой души. Но в отличие от Лейбница Баумгартен в целом (и притом в тенденции диалектически) характеризует ощущения в сравнении с мышлением не как только предшествующую ступень, но и как нечто самоценное. Не отсюда ли у Канта возникла мысль о двух различных «стволах» человеческих душевных способностей, которые где-то в своих отдаленных продуктах должны все-таки соединиться?

Разумеется, Кант не от Баумгартена и не от Лейбница «заимствовал» глубокие гуманистические убеждения: они были свойственны самому «докритическому» Канту, хотя Кант «критический» поднял их на гораздо большую высоту: человек для зрелого Канта — это высший предмет искусства как эстетический идеал и кульминация всего нравственно доброго. Но сам общий мотив, что искусство должно значительно помочь совершенствованию человеческой личности, шел к Канту и от Лейбница, и от Баумгартена. В первом томе своей «Эстетики» (1750) А. Баумгартен рассуждал о том, что искусство способно и должно морально воздействовать на людей²¹. Заметим здесь же, что именно Баумгартен первым в Германии рассматривал понятие «возвышенное», столь заинтересовавшее Канта,

который все более приходил в несогласие с сугубо эмпирической трактовкой «возвышенного» у Э. Бёрка.

К понятию чувственной интуиции (*reine Anschauung*) Кант пришел, «отталкиваясь» от расширенного понятия чувственного у Баумгартена (в это понятие у последнего входит в зачатке и мышление). И сам принципиальный Кантов термин «трансцендентальная эстетика» возник от свойственного Баумгартену диалектического по своей интенции сращения эстетического с гносеологическим в недрах чувственного. К этому сращению Кант отнесся, однако, критически, существенно «разведя» эти два плана содержания в разные стороны; в первой его «Критике» мы находим в этом плане только учение о чувственном материале познания, а в третьей «Критике» — учение о прекрасном.

Широко известно, что именно от Баумгартена Кант заимствовал несхоластические значения терминов «субъективный» и «объективный» (достаточно в этой связи посмотреть хотя бы § 358 и 654 «Метафизики» Баумгартена)²². Оттуда же происходили кантовские термины «в себе (по себе)» (*an sich*) и «для себя» (*für sich*). Но также и сама *проблема*, что в субъективном вообще и в чувственном в частности скрываются и пассивность и активность, перешла к Канту от Баумгартена. Разрешая эту проблему, Кант опять же «развел» свои решения в различные стороны: пассивен, по его мнению, материал познания, а активно чувственное как особая, «играющая», видимость в художественной самодеятельности духа (это превосходно подчеркнул Л. Н. Столович в своей публикации из Канта²³). А в учении Канта о прекрасном намечается и соединение вновь гносеологического с художественно-эстетическим, ибо в искусстве истина как бы «проглядывает» через чувственные явления.

В философской системе Лейбница (и уже в его методологии) возник разлад между идущим от общего лейбницевского рационализма акцентом на универсальное (разум) и проистекающим от онтологического принципа индивидуализации упором на единично-личностное и неповторимое (монада). Этот разлад не был преодолен Баумгартеном: у него появились два «конкурирующих» друг с другом «совершенства», — одно у внешнего мира и другое у воспринимающих мир чувств данного субъекта. Не отсюда ли проистекает присутствующий у Канта в «Критике способности суждения» диссонанс между не очень огражденной от упреков в формализме аналитикой прекрасного и содержательным учением о художественном идеале, где переплетены совсем не формальные мотивы гуманизма, романтизма и реализма? Постановкой этого вопроса я и кончу настоящую статью.

Разумеется, проблематика выявления и анализа теоретических источников зрелого (а особо и раннего) Канта и отноше-

ния Канта к ним огромна. Исследование этой проблематики продолжается.

¹ См.: Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию «Развитие социализма от утопии к науке»/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 323.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 161.

³ См.: русскоязычное издание: Хоум Г. Основания критики. М.: Искусство, 1977.

⁴ См.: Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М., 1962. Гл. 1 и 4.

⁵ См.: Нарский И. С. О четырех отрицаниях в философских трудах Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1982. Вып. 7.

⁶ См., напр.: Фишер К. Иммануил Кант и его учение.—2-е изд. Спб., 1910. Т. 1. Ч. 1. Гл. 13 и др.; Vorländer K. Immanuel Kant. Der Mann und das Werk. 2. Aufl. Hamburg, 1977. 2. Buch. 2—7 Kap. u. a. Заметим, в частности, что хотя Гаман обратил внимание Канта на Юма уже в письме от 27 июля 1759 г., но уже в лекциях 1756 г. Кант, по свидетельству Л. Е. Боровского, с большой похвалой упоминал Юма и Хатчесона. Кант располагал немецким изданием (1756) «Исследования о человеческом познании» Юма, а в 1759 г. приобрел только что появившийся перевод на немецкий язык английского сборника работ Юма «Четыре исследования» (вышел в свет в 1757 г.). В этот сборник входили следующие работы Юма: «Естественная история религии», «Исследование об аффектах» и два очерка — «О трагедии» и «О норме вкуса».

⁷ См.: Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Berlin, 1911. 2. Band. S. 621.

⁸ См.: Al-Azm S. J. Absolute Space and Kant's First Antinomy of Pure Reason. — Kant-Studien, 1968. Vol. 59. H. 2.

⁹ Принципы рационализма Лейбница были известны Канту, разумеется, давно. Но теперь речь шла не о проблеме соотношения реального причинения и логического следования, а о проблеме сущности и явления.

¹⁰ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 617.

¹¹ См.: Нарский И. С. Яркая страница истории свободомыслия XVIII в.//Вопросы научного атеизма. М., 1978. Вып. 22. С. 290—305.

¹² Kants Vorlesungen über die philosophische Religionslehre. Hrsg. von Pölitiz. Leipzig, 1817. 2. Aufl. 1830. Ср.: Löwisch D. J. Immanuel Kant und Dialoge über natürliche Religion von Hume... Bonn, 1964.

¹³ Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Berlin, 1911. Bd. 2. S. 327—330.

¹⁴ См.: Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении//Соч.: В 4-х т. М., 1983. Т. 2. Кн. 4. Гл. 17. § 1. С. 488.

¹⁵ Главный труд И. Н. Тетенса (1736—1807), профессора философии и математики в Киле, «Философские опыты о человеческой природе и ее развитии» (1776—1777) повлиял на Канта в период работы его над «Критикой чистого разума» и своей критикой вольфианства в целом.

¹⁶ «Новый органон, или мысли об исследовании и определении (Bezeichnung) истинного и его отличия от лжи и видимости (Schein)», в двух томах, был опубликован И. Г. Ламбертом (1728—1777) в 1764 г.

¹⁷ В наши дни водораздел между аналитическим и синтетическим, упрощенно истолковывавшийся как различие между логическим и эмпирико-фактуальным, проводится на несколько ином, чем прежде, основании, а именно оно ставится в зависимость от характера ответа на вопрос, проистекает ли истинность из значений терминов в определенной системе или же не проистекает оттуда?

¹⁸ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. М., 1985. Кн. 4. Гл. 8. § 3, 4, 7.

¹⁹ См.: Кант И. Трактаты и письма... С. 540.

²⁰ См.: Нарский И. С. Философско-эстетические идеи А. Баумгартена

как один из стимулов теоретического развития Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 40—51.

²¹ См.: Baumgarten A. Aesthetica. Halle, 1750—1758, § 435, 450, 464, 496. В § 603 по изд. Hildesheim, 1961 мы читаем: «...моральная истина в получении есть самое важное, к чему в отношении вероятности поэтического материала следует стремиться».

²² Впрочем, переосмыслил эти значения еще Т. Гоббс в § 3 главы XXV четвертого раздела сочинения «О теле» (см.: Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1964. Т. 1. С. 187).

²³ Столович Л. Н. Тартуская рукопись Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 117.

КАНТ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛОГИКИ ФРЕГЕ *

Л. Хаапаранта
(Академия наук Финляндии)

Программа Фреге

Современная логика родилась в 1879 г., когда вышла в свет 88-страничная брошюра Фреге «Begriffsschrift». Конечно, многие философы прошлых веков, например, Лейбниц, высказывали мысли, предвосхищавшие современную логику, а некоторые математики и философы, такие как Буль и Пирс, в XIX в. разработали новые концепции логики. Тем не менее создается впечатление, что фрегевская «запись в понятиях» возникает почти из полной темноты. В ней вводится громадное число логических новшеств, важность которых для логики XX в. невозможно переоценить. Наиболее значительный сдвиг был вызван его теорией квантификации и способом анализа предложений по схеме «аргумент-функтор», которым Фреге заменил традиционный грамматический способ анализа по схеме «субъект-предикат», использовавшийся в традиционной аристотелевской логике.

Хорошо известно, что главной целью работ Фреге по логике и основаниям математики было проведение в жизнь логицистской программы, т. е. сведение арифметических истин к логическим. Успех этой программы зависел от возможности определить все арифметические понятия с помощью логических и доказать, что арифметические истины выводимы посредством логической дедукции из аксиом логики и определений основных понятий арифметики. Как известно, логицистская программа Фреге потерпела провал, вызванный парадоксом, впервые замеченным Берtrandом Расселом.

Для логической дедукции арифметических истин Фреге пришлось явно сформулировать правила логического вывода. На этом основании философы пытались рассматривать его «запись в понятиях» *только* как попытку формулировки этих правил¹.

* Статья написана для «Кантовского сборника». — Пер.